

УДК 801.82
ББК 81.411.2-5

Л.Г. Чапаева

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ КОМПОЗИЦИЯ ДНЕВНИКОВ И.А. БУНИНА

При анализе композиции и архитектоники дневников И.А. Бунина выявлены как общие, так и индивидуальные особенности его дневников с точки зрения их внутренней и внешней организации. В частности, к характерным свойствам дневниковых записей Бунина можно отнести скупость языковых средств, точность и подробность хронотопа, неполноту предложений, фрагментарность и парцелляцию.

Ключевые слова: *Бунин, композиция, архитектоника, темпоральность, парцелляция.*

DOI 10.18522/1995-0640-2020-4-97-106

Чапаева Любовь Георгиевна – докт. филол. наук, доцент, профессор кафедры общего и прикладного языкознания Московского педагогического государственного университета (МПГУ)
E-mail: lg4@mail.ru

Введение

Дневники И.А. Бунина давно привлекают внимание исследователей. С одной стороны, они содержат биографические сведения, зародыши будущих художественных произведений, культурно-исторический контекст эпохи, с другой стороны, дневники сами по себе представляют интерес как повествовательный текст, обладающий жанровым и структурным своеобразием, образами и символами, аллюзиями и реминисценциями. «Частная же запись, сделанная для себя (или, как правило, рассчитанная на отложенную публикацию – когда-нибудь, возможно, после смерти), ярче характеризует антропологический тип писателя» [Пономарев, 2017, с. 63]. Цель настоящего исследования – анализ внутренней и внешней композиции дневниковых записей Бунина, выявление как общих, так и индивидуальных их свойств.

Источники и история вопроса

Степень разработанности проблемы языковых особенностей дневников И.А. Бунина крайне невелика (см.: [Новикова, 2005; Антипина, 2015]). Во многом это объясняется их малой доступностью и неполнотой публикации сохранившихся текстов. Известно, что ученые до сих пор не имеют доступа ко всем архивам И.А. Бунина. Судьба его архива, важную часть которого составляют дневники автора, крайне драматична. Одна его часть после окончания Второй мировой войны оказалась в Москве, так как была вывезена из Чехословакии,

куда Бунин переслал свой архив за год до войны, и эта часть была долгое время недоступна исследователям.

Другая часть архивов, которую И.А. Бунин оставил в Москве, была во время Великой Отечественной войны украдена у вдовы брата Веры Николаевны М.Ф. Муромцевой. Уцелел только фрагмент, переданный в Государственную библиотеку имени В.И. Ленина.

После смерти И.А. Бунина 8 ноября 1953 г. работу с архивом автора продолжила В.Н. Муромцева-Бунина. После её кончины бунинский архив перешёл к Леониду Федоровичу Зурову. В этой части архива и находились дневники И.А. Бунина, автографы его произведений, неопубликованные рассказы и стихи, и основная часть этого архива в 1971 г. перешла к Милице Эдуардовне Грин.

Как справедливо замечает Е.Р. Пономарев, «Дневники Бунина сохранились лишь частично. Сохранившиеся же неоднократно перерабатывались: первоначально дневниковые записи, вероятно, создавались как начальные тексты – фрагментарно, на самых разных носителях. Встречающиеся в записных книжках датированные записи дневникового характера – предположительно промежуточные тексты, уже переписанные с начальных <...>. Привычное оформление дневника на больших листах или в отдельных тетрадах – третий этап создания текста. Но и на этом работа над дневником не останавливается. По-видимому, в дальнейшем Бунин переписывает дневники, сокращая и оставляя минимум текста. В некоторых случаях это можно назвать кодированием текста – запись остается понятной только автору» [Пономарев, 2017, с. 67].

В 1951 г. Бунин пишет «К моему литературному завещанию» в котором высказывает свои пожелания и замечания по поводу публикации дневников, требуя не публиковать ни свои черновики, ни дневники.

И.А. Бунин вёл свои дневники с большими промежутками, так, например, практически отсутствуют записи с 1887 по 1894 г. Дневниковые записи 1926 – 1928 гг. также отсутствуют. А.В. Барах в статье «Из разговора с Буниным» [Барах, 1993, с. 294] сообщает: И.А. Бунин однажды рассказал ему о том, что ведёт дневники, но делает это с оглядкой на печать, однако ему было бы стыдно, если эти дневники были бы в печати. Он неоднократно переделывал свои записи, а потом уничтожал их. Очевидно, что «не только полный текст его дневников более не существует (и, принимая во внимание вышесказанное, никогда не существовал)» [Двинятина, 2019, с. 345], но и то, что сохранилось, имеет фрагментарный характер. Тем не менее, в шестой том первого отечественного издания собрания сочинений Бунина вошла большая часть его дневниковых записей (см.: [Бунин, 1988], далее в тексте статьи в круглых скобках указываются только страницы этого тома). Несмотря на то что данная книга не смогла избежать купюр по политическим соображениям, можно считать его наиболее полным и актуальным для исследования источником.

Дневниковый текст, как известно, обладает рядом специфических черт, присущих данному жанру, которые реализуются с помощью определённых языковых средств:

– сочетание формы монологического повествования с внутренним диалогом, что обуславливает обилие вопросно-ответных комплексов, восклицательных предложений, риторических вопросов, побудительных предложений в форме 2-го лица единственного числа, использование местоимений *ты* и его производных при обращении к себе и др.;

– субъективность, реализуемая в предложениях с вводными компонентами, в повествовании от 1-го лица, частотность употребления местоимения *я*, а также *себя*, *сам*, *свой* и эгоцентрической лексики;

– дискретность, выраженная с помощью четкой датировки, особых отношений сложного синтаксического целого и абзаца, сопутствующими категориями которой является особый характер межфразовых связей, объединение дискретных связей при помощи определенных тематических и лексико-семантических блоков, интертекстуальность;

– смысловая целостность дневникового текста, реализуемая с помощью хронологической последовательности записей и связанная с категориями темпоральности и локальности, которые в дневниковых текстах также выражены особым образом;

– спонтанность, неподготовленность, динамичность и эмоциональность устной речи, находящая отражение в преобладании определённых синтаксических конструкций и особом лексическом составе;

– общая тональность дневникового текста, задаваемая при помощи образных средств, экспрессивной лексики и др.

Все указанные выше языковые особенности дневникового текста находят отражение в дневниках И.А. Бунина. В данной статье остановимся лишь на архитектонике дневников И.А. Бунина.

Ведение дневника предполагает пересечение двух сфер: сферы письменной речи и сферы внутренней речи [Радзиевская, 1988, с. 115], их взаимодействие при художественной трансформации жанровой формы дневника приводит к усилению лирической экспрессии, появлению развернутого самоанализа.

Дневники И.А. Бунина в целом и каждая запись в отдельности являются коммуникативным, структурным и семантическим единством, что находит отражение в их композиции.

Композиция, с лингвистической точки зрения, понятие многозначное. Оно может быть применено к разным уровням текста. Так, композиция может быть семантическая и грамматическая (чаще синтаксическая). Во всех случаях в центре внимания находятся речевые средства, которые организуют текст как сложную динамическую систему. Однако как базовое филологическое понятие, композиция – это построение конкретного текста с точки зрения его целостности и завершенности, в единстве всех его элементов в соответствии с авторским замыслом и требованиями жанра; это «взаимная **соотнесенность** и **расположение** единиц изображаемого и художественно-речевых средств» [Хализев, 2002, с. 262], некую систему, которая «имеет и самостоятельную содержательность, которая должна раскрываться в процессе филологического анализа текста» [Николина, 2003, с. 45]. Одной из важнейших ее со-

ставляющих оказывается внешняя композиция, т.е. архитектура, членение текста на главы, абзацы, строфы (если текст поэтический) в их последовательности и взаимосвязи. В этом отличие внешней композиции от внутренней, включающей систему образов, конфликт, сюжет, т.е. то, что определяет содержание текста. Архитектура «служит способом “порционирования” смысла; с помощью<...> композиционных единиц автор указывает читателю на объединение, или, наоборот, расчленение элементов текста (а значит, его содержания)» [Черемисина, 1987, с. 19].

Архитектура дневников И.А. Бунина, т. е. членение текста на отдельные смысловые фрагменты, имеет как общие черты, свойственные жанру, так и индивидуальные.

В соответствии с требованиями жанра дневник И.А. Бунина представляет собой различные по объёму (как правило небольшие) записи с точной датировкой. Можно сказать, что каждая из них выступает как отдельная композиционная единица, но при этом является и коммуникативно-смысловой частью целого. Каждый фрагмент имеет чёткие границы, определённые самим автором в момент записи, а средства межфразовой связи между ними и внутри них найти сложно. Таким образом, каждая запись может быть воспринята как самостоятельная единица, а локальная связность, т. е. когезия, явно, языковыми средствами, не выражена. Соответственно, непрерывность семантической связи нескольких различных, но связанных друг с другом событий, ослаблена.

С точки зрения объёмно-прагматического членения текста, дневники И.А. Бунина оказываются дробными, а основными единицами архитектуры выступают многочисленные записи с подробной датировкой. Также нельзя обойти вниманием систему построения текста с точки зрения хронологии: весь дневниковый текст датируется определёнными годами (1906 – 1907, 1908 – 1911, 1913 – 1914 и т.д.) в рамках которых, в свою очередь, выделяются конкретные даты.

Автор отказывается от классических способов синтаксической связи записей и предложений в них, свободно объединяет различные по тематике фрагменты. Целостность всего текста осуществляется не с помощью межфразовой связи, а с помощью ключевых слов, повторяющихся в тексте, преобладания определённых лексико-семантических рядов, которые и обуславливают некую когерентность, т. е. связность нелинейного типа, объединяющую элементы разных уровней текста.

Наиболее важными средствами создания когерентности выступают повторы слов с общими семами. Например, лексико-семантическое поле «религия» реализуется с помощью таких слов, как *вера, божественное, священное, рай, ад, Бог, чёрт, душа и др.* Эти слова служат для связи различных предложений и фрагментов текста, обеспечивая когерентность дневниковых записей. Например: «Человеку, занятому всеми дрязгами этой жизни и не признающему всего **святого**, что есть на земле, правда, свойства первобытного состояния **души**, т.е. когда **душа** менее загрязнилась и эти свойства более подходят к тому состоянию, когда она была чиста и, так сказать, даже **божественна**, правда, слишком. Но,

может быть, именно более всего **святое** свойство **души Любовь** тесно связано с поэзией, а поэзия есть **Бог** в **святых** мечтах земли, как сказал Жуковский» (с. 213). Или: «И подумать только, что **Бог** все это – самое прекрасное в мире и в человеческой **душе** (пропуск. – О. М.) с **любовью** к женщине, а что такое женщина в действительности?» (с. 403). Семантические цепочки, их расположение и взаимообусловленность, могут быть рассмотрены как семантическая композиция текста, без учёта которой невозможна его интерпретация. Так, слова «рай» и «ад», входящие в состав лексико-семантического поля «**религия**», взаимодействуют между собой и при этом образуют оппозицию. «**Жара** – *сущий ад, конец улицы совершенно застлан дымом*» (с. 317). «*Погода райская с признаками осени*» (с. 384).

Различны по своему составу и тематически записи, которые состоят из сложных синтаксических целых, имеют чёткую структуру и конкретную последовательность, обладающую дискретностью, которая проявляется в смене дат, что выступает одним из важнейших средств создания архитектоники в дневниках И.А. Бунина.

Как известно, наличие точной датировки зависит от типа дневникового текста. Так, для подростковых и юношеских дневников характерны расплывчатые временные границы, отсутствие указания на точное место событий. Записи И.А. Бунина относятся к «зрелым» дневникам, поэтому для них характерно (почти всегда) точное указание на дату, часто место, и даже время суток, в которое сделана запись. Например:

«27 января 1886 г. Вечер» (с. 331).

В дневниках Бунина выделение абзацев выполняет практическую функцию и реализуется в стремлении автора изложить как можно больше информации о событиях дня в небольшом отрывке текста и за небольшое время. Здесь встаёт вопрос о соотношении сложного синтаксического целого и абзацного членения в дневниковых записях И.А. Бунина.

Естественно, когда запись короткая и составляет всего один абзац, то сложное синтаксическое целое совпадает с ним, если описывается какое-то конкретное событие или повествователем перечисляются события всего дня. Например: «*Рано утром на пароходе. Жарко, тяжелое солнце. До Порт-Саида сто франков. В три часа снова Яффа. Опять Хаим и кривой. Закат во время обеда*» (с. 365). Повествователь, используя номинативные предложения, представляет события в их прямой последовательности, с указанием на смену времени суток. Фиксируется лишь рематическая информация, такой способ отражает стремление воспроизвести как можно больше событий прошедшего дня, и даже передать эмоции, несмотря на «скудость» высказываний.

В более обширных записях границы абзаца и сложного синтаксического целого могут не совпадать, т. е. одно синтаксическое целое может быть разбито на несколько абзацев, или же наоборот, один абзац может включать в себя несколько синтаксических целых. Например:

«*Газеты: Франц. правительство решило ни в коем случае не дать Англии захватить франц. флот и охранять торгов. корабли военными.*

Значит, Англия намеревается захватить флот? “Лихорадочно” укрепляется Гибралтар.

Греческий премьер заявил, что Греция не уступит ни метра своей “священной земли”. Значит, немцы готовятся вторгнуться в Грецию?

Югославия подписала с Германией пакт о ненападении и экономический. Рузвельт через югославского посла обратился к Принцу Павлу, чтобы тот держался, ибо он, Р., уверен в победе Англии: это последнее сказано в швейц. газете – во французских об этом ни слова» (с. 312).

Межфразовая связь в этих случаях осуществляется с помощью классических способов организации связи предложений: повтора, следования и зацепления. *«В тесноте, в толпе, в ожидании сходен, узнаю от носильщиков, кавказца и хохла, что на Дальнической убили несколько человек евреев. Убили будто бы переодетые полицейские, за то, что евреи будто бы топтали царский портрет. Очень скверное чувство, но не придаю особого значения этому слуху, может и ложному. Приехал в Петербургскую гостиницу, увидел во дворе солдат. Спросил швейцара: “Почему солдаты?” Он только смутно усмехнулся» (с. 412).* В данном случае два синтаксических целых, выражающие темы «убийство» и «солдаты», объединяются с помощью цепной связи, лексических повторов и местоимённых замен.

Очевидным является то, что И.А. Бунин, пользуясь полной синтаксической свободой и отступая от чётко регламентированных форм, утверждает индивидуальное начало своих дневников. Им свойственна автокоммуникация, которая является отличительной особенностью дневникового жанра, но при этом присутствует корреляция автокоммуникации и диалога автора с читателем.

Во-первых, основными синтаксическими средствами, которые передают диалог автора с читателем, выступают вопросно-ответные конструкции, риторические восклицательные и вопросительные предложения, употребляемые в форме 2-го и 3-го лица единственного числа. Например: *«Был довольно молодой мужик из Домовин. Говорит, был 14 лет в Киеве, в Лавре, и хвастается: “выгнали за девочек, игумен поймал за работой... Я провиненный монах, значит”. Почему хвастается? Думаю, что отчасти, чтобы нам угодить, уверен, что это должно нам очень нравиться. Вообще усвоил себе (кому-то на потеху или еще почему-то?) манеру самой цинической откровенности» (с. 382).* Писатель однозначно не демонстрирует свою точку зрения, а как бы спрашивает мнения читателя, при этом сразу же выдавая правильный для самого автора ответ на вопрос. *«Взято то, взято другое... Но – а quoibon? Что дальше? Россия будет завоевана? Это довольно трудно себе представить!» (с. 414).* Подобные предложения различны и по характеру объекта, которому адресуются данные слова, например: *«Что меня ждёт - задавал я себе вопрос» (с. 422).*

Наряду с этим в дневниковых текстах И.А. Бунина на композиционном уровне реализуется особый вид монолога – внутренний монолог, для которого характерна прерывистая речь, т. е. фразы не закончены,

иногда обрываются на полуслове, а синтаксические единицы оказываются оторванными друг от друга. Построение повествования в форме монолога и объясняет наличие в тексте большого количества обращений, восклицаний и риторических вопросов. С помощью восклицаний читатель может лучше почувствовать всю напряженность ситуации и переживаний писателя, а риторические вопросы, не требующие ответа, часто выражают авторское мнение.

Во-вторых, полному раскрытию авторского начала способствует субъективность оценок, мыслей и мнений автора дневника, которые в полной мере реализуются с помощью обилия вводных конструкций, таких как *«я думаю»*, *«я считаю»*, *«мне кажется»* и других. Например: *«Думаю, что в недалёком будущем эта форма вытеснит все прочие»* (с. 324). *«Боюсь, что опять дело замрёт»* (с. 402). *«Не верю, чтоб Германия пошла на такую страшную авантюру»* (с. 415). Субъективность находит отражение в характере указаний, с помощью которых реализуется категория темпоральности. В первую очередь этому служит чёткая и конкретная датировка: *29 декабря 1885 г.*, *27 января 1886 г.*, *6 мая 1907 г.*; наречия времени: *сейчас, всегда, тогда, сегодня, завтра, рано и другие*. Например: *«Расстались мы только сейчас уже друзьями, а я, кроме того, влюбленным»* (с. 321). Темпоральность тесно связана с пространством: *«в начале января полный разрыв, уехал в Москву»*; *«в начале апреля я с Фёдоровым уплыл в Одессу»*; *«последний раз я был в Петербурге в начале апреля 17 года»*; *«вечером 16 Одесса»*; *«от Буковецкого поехал утром в Петербургскую гостиницу»* и т.д.

Категория пространства выражается с помощью лексики с семой «место» и географических понятий: *луг, равнина, озеро, река, лес, роща, пустыня и др.*; различных топонимов: *Осиновые Дворы* (деревня в Брянской области), *Капри, Москва, Ефремово, Одесса, Берлин, Париж, Вена, Петербург, Орша, Минск, Висбаден, Майнц, Озерки* и др.; пространственных наречий: *сверху, снизу, вперед, ввысь, в даль* и т.д.; местоименных наречий: *здесь* и *сейчас*. Многочисленны сложноподчиненные предложения с придаточными места: *«Дремучие снежн. сумерки, Цвилневская усадьба, где жил Евгений, эта девка (уже не помню её имени)...»* (с. 338). *«Боялся ехать – кинуться в море беженцев, куда-то в Вандею, в Пиренеи, куда бежит вся Франция, вшестером, с 30 местами багажа...»* (с. 519).

Особенностью дневников Бунина можно считать обилие уточняющих комментариев, вставных конструкций: *«Горький, оказывается, уже давно (должно быть, с неделю) в Москве»* (с. 342). *«Живет <...> в чудеснейшем собств. отеле (какие гобелены, есть даже церковные вещи из какого-то древн. монастыря)»* (с. 353). Вставные конструкции способствуют воссозданию ситуации непосредственной беседы автора с читателем.

Еще одной особенностью бунинских дневников можно считать неполные предложения и эллиптические конструкции: *«Вчера был в Ницце. Солнечно, бело, слепит, почти жарко. “Гастроном”. Вечером, вернувшись, узнал о письме Г. к Вере (уже из Марсели): “Покидаем Францию”. Бросилась в пропасть с головой. (с. 372).<...>Письма от В. Зайцевой*

и Михайлова: умер Нилус (в ночь с суб. на воскр.). Бесчувственность» (с. 403). «Дубы все в коричневой сухой листве. Среди стволов блеклая, вялая сырая, зелень под листвой» (с. 391). Они усиливают динамичность и эмоциональность речи.

Таким образом, синтаксис дневников И.А. Бунина служит для реализации двух противоположных стремлений автора: к утверждению автокоммуникации и непрерывному диалогу с читателем. Хронотоп в дневниковых текстах И.А. Бунина является основополагающей категорией, время и пространство здесь выступают основными концептами, ведь именно с ними связано настроение автора, а следовательно, и языковая специфика текста. Так, две основные темы «Россия» и «Грасс» дневников 1881 – 1953 гг. условно делят повествование на две части: жизнь до эмиграции во Францию и после, где автор с грустью вспоминает свою жизнь в родной стране.

Как особенность архитектоники дневников И.А. Бунина можно отметить своеобразное членение текста и индивидуальный синтаксис автора с использованием таких приёмов, как фрагментация и парцелляция. С помощью парцеллированных конструкций и нераспространённых лексических повторов воспроизводится непринужденность, простота устной речи, естественное течение мысли, которое естественным образом возникает при живом общении: «*Приехала Вера. Привезла “Одесские новости”. Там о Куровском. Весь день думал о нем*» (с. 423). «*Больной старик греется на солнце возле избы. Задыхается. В нашу победу не верит. “Куда нам!” – “Надо, надо попытаться”. – “Пытался – выходит гадость, пошлость”*» (с. 438). Намеренное расчленение фрагмента связного текста на несколько пунктуационно и интонационно самостоятельных отрезков, отдельных предложений, которые могли быть объединены в одно предложение, например, следующим образом: «*Больной старик греется на солнце возле избы, задыхается, в нашу победу не верит:*

– *Куда нам!*

– *Надо, надо попытаться.*

– *Пытался – выходит гадость, пошлость».*

Организация текста с помощью данных приёмов – характерная особенность дневников Бунина.

Заключение

Таким образом, несмотря на то что следование общим законам внешней и внутренней композиции, определённым общим «правилам» организации дневникового текста, дневники И.А. Бунина отличаются индивидуальностью и характерностью, наиболее важные среди которых: скупость языковых средств, точность и подробность хронотопа, неполнота предложений, фрагментарность и парцелляция. Несмотря на отсутствие полного текста, выстроенного в точной хронологии, дневники Бунина заслуживают более пристального внимания со стороны филологов. Кроме того, в последнее время появляются новые публикации сохранившихся документов (см.: [Бунин, 2018; 2019]).

Литература и источники

- Антипина Е.С. (2015). Лексико-семантическое пространство дневника писателя: на материале произведений И.А. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: РУДН. 23 с.
- Барах А. (1993). Из разговора с Буниным // Нева. № 8. С. 293 – 308.
- Бунин И.А. К моему литературному завещанию: [Электронный ресурс] // URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/public/k-moemu-literaturnomu-zaveschaniyu.htm> (дата обращения 18.05.2020).
- Бунин И.А. (1988). Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. Дневники. М.: Художественная литература. 719 с.
- Двинятина Т.М. (2019). Дневники И.А. Бунина 1920–1953 гг. Текстологический аспект // Литературный факт. № 1(11). С. 344–356.
- И.А. Бунин. Из дневников 1944–1945 гг. Дневники 1946–1953 гг. / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Т.М. Двинятиной (2018; 2019) // Русская литература. 2018. № 4. С. 190–201; 2019. № 1. С. 178–191.
- Николина Н.А. (2003). Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия. 256 с.
- Новикова Е.Г. (2005). Языковые особенности организации текстов классического и сетевого дневников: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь. 255 с.
- Пономарев Е.Р. (2017). Записные книжки и дневники И.А. Бунина в свете антропологии литературы: Бунин, Чехов, Л. Толстой как писательские типы // Тр. Санкт-Петербургского гос. ин-та культуры. Т. 215. С. 62 – 68.
- Радзиевская Т.В. (1988). Введение дневника как вид коммуникативной деятельности // Референция и проблемы текстообразования: сб. науч. тр. М.: Наука. С. 112 – 119.
- Хализев В.Е. (2002). Теория литературы. М.: Высшая школа. 438 с.
- Черемисина Н.В. (1987). О трех закономерных тенденциях в динамике языка и в композиции текста // Композиционное членение и языковые особенности художественного произведения. М.: МГПИ, С. 13 – 25.

References

- Antipina E.S. (2015). *The lexico-semantic space of the writer's diary: based on the works of I.A. Bunin: thesis abstract*. Moscow, Russian University of Peoples' Friendship. 23 p. (In Russian).
- Barakh A. (1993). From a conversation with Bunin. *Neva*, no. 8, pp. 293-308. (In Russian).
- Bunin I.A. (2018. 2019). From the diaries of 1944-1945. Diaries 1946-1953. Entry article, prepared text and comments. T.M. Dvinyatina. *Russian Literature*, no. 4, pp. 190-201; no. 1, pp. 178-191. (In Russian).
- Bunin I.A. *To my literary testament*. Available at: <http://bunin-lit.ru/bunin/public/k-moemu-literaturnomu-zaveschaniyu.htm> (accessed 18.05.2020). (In Russian).
- Bunin I.A. (1988). *Collected works in 6 volumes: Vol. 6. Diaries*. M.: Art Literature = Khudozhestvennaya literatura. 719 p. (In Russian).
- Cheremisina N.V. (1987). On three regular trends in the dynamics of language and in the composition of the text. *Compositional division and linguistic features of a work of art*. Moscow, MGPI, pp. 13-25. (In Russian).
- Dvinyatina T.M. (2019). The diaries of I.A. Bunin 1920–1953: Textological aspect. *Literary fact*, no. 1 (11), pp. 344-356. (In Russian).

Khalizev V.E. (2002). *Theory of Literature*. Moscow, Vysshaya shkola. 438 p. (In Russian).

Nikolina N.A. 2003. *Philological analysis of the text: Textbook. Manual for students of higher pedagogical universities*. Moscow, Publishing Center «Academy». 256 p. (In Russian).

Novikova E.G. (2005). *Language features of the organization of texts of classical and network diaries: thesis*: 10.02.01. Stavropol. 255 p. (In Russian).

Ponomarev E.R. (2017). Notebooks and diaries of I.A. Bunin in the light of the anthropology of literature: Bunin, Chekhov, L. Tolstoy as writers' types. *Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture*, vol. 215, pp. 62-68. (In Russian).

Radzievskaya T.V. (1988). Diary introduction as a type of communicative activity. *Reference and problems of text formation: selection of scientific works*. Moscow, Nauka, p. 112-119. (In Russian).

Lyubov G. Chapayeva (Moscow, Russian Federation)

Internal and External Composition of I.A. Bunin's Diaries

The history of the creation and publication of I.A. Bunin's diaries are of interest to literary scholars and textual critics, but the study of their linguistic features is not complete. The diaries of I.A. Bunin as a whole and each separately are a communicative, structural and semantic unity, which is reflected in their composition. While retaining the characteristics common to this genre, Bunin's diaries are original. The author, for example, rejects the classical methods of syntactic connection of records and sentences in them, freely combines fragments of various topics. The integrity of the entire text is preserved not with the help of interphrasal communication, but with the help of keywords repeated in the text, the predominance of certain lexical and semantic series, which determine a certain coherence, that is, a nonlinear type of connectivity that unites elements of different levels of the text. The characteristic properties of Bunin's diary entries include the parsimony of linguistic means, the accuracy and detail of the chronotope, incomplete sentences, fragmentation and parceling, an abundance of clarifying comments, inserted constructions. Thus, the architectonics of I.A. Bunin, that is, the division of the text into separate semantic fragments, has both common features inherent in the genre and individual ones.

Key words: *Bunin, composition, architectonics, temporality, parcelling.*

Lyubov G. Chapayeva – grand Ph.D. in Philology, associate professor, professor of general and applied linguistics dpt. Moscow pedagogical state university. E-mail: lg4@mail.ru